

Гурьян Наталья Викторовна

О СОДЕРЖАНИИ РАЗДЕЛОВ С БОТАНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ "ЭРЪЯ"

Статья посвящена анализу содержания двух разделов древнекитайского словаря "Эръя" (III в. до н.э.), содержащих ботаническую лексику, - "Объяснение трав" и "Объяснение деревьев". Дается перевод фрагментов текста указанных глав; рассмотрены категории растений, представленные в словаре. Показано, обозначения каких реалий растительного мира фиксирует словарь (названия разновидностей и сортов, плодов и частей растений, форм растительности, смежные понятия). Некоторое внимание уделено также наивным ботаническим представлениям древних китайцев, отраженным в словаре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 58-63. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

культурно-социального развития, уровня этнически окрашенных достижений в области теории искусства. Анализ проблемы на материале жанра бестиария, представленного в поэме «The Canterbury Tales», показывает общие принципы формирования стиля, что можно наблюдать, в частности, на примере колористической лексики.

Список литературы

1. **Алексеев М. П.** Из истории английской литературы. Этюды, очерки, исследования. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 499 с.
2. **Андреев М. Л.** Итальянское Возрождение: от стиля к жанру // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 297-326.
3. **Брюнель-Лабришон Ж., Дюамель-Амадо К.** Повседневная жизнь во времена трубадуров XII-XIII вв. М.: Молодая гвардия, 2003. 414 с.
4. **Дзенс И. О.** Жанр как точка зрения на мир (к проблеме типологической новеллы в творчестве Ф. Кафки) // Типология жанров и литературный процесс. СПб.: Образование, 1994. С. 45-53.
5. **Кашкин И.** Примечания // Кентерберийские рассказы. М.: Правда, 1988. С. 528-558.
6. **Кубасова А. О.** Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2008. 24 с.
7. **Лихачёв Д. С.** Развитие древнерусской литературы X-XVII вв. СПб.: Наука, 1998. 206 с.
8. **Микушевич В.** Карнавал бытия // Средневековый бестиарий. М.: Искусство, 1984. С. 229-239.
9. **Муратова К. М.** Средневековый Бестиарий // Средневековый Бестиарий. М.: Искусство, 1984. С. 5-52.
10. **Орехова Ю. С.** Анималистическая литература Франции: традиции и их трансформация в творчестве С. Г. Колет: автореф. дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2008. 22 с.
11. **Чернец Л. В.** Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во Московского университета, 1982. 192 с.
12. **Чосер Дж.** Кентерберийские рассказы / пер. с англ. И. Кашкина и О. Румера. М.: Правда, 1988. 560 с.
13. **Chaucer G.** The Canterbury Tales. London: Wordsworth Editions Ltd., 1995. 632 p.

**CATEGORY OF GENRE AS A STYLE-FORMING FACTOR
(BY THE MATERIAL OF THE POEM “THE CANTERBURY TALES”)**

Vyshenskaya Yuliya Pavlovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
clemence_isaure@rambler.ru

The research is aimed to examine the category of genre as a style-forming factor in the epoch of the late Middle Ages and early Renaissance. The analysis is carried out on the basis of integrative approach and taking into account the socio-cultural and linguo-ethnic specifics of textual material borrowed from “The Nun’s Priest’s Tale” from the poem by G. Chaucer “The Canterbury Tales” interpreted as a genre of bestiary.

Key words and phrases: category of genre; style; historical stylistics and poetics; tropes and figures; bestiary; style-forming factors; genre marker.

УДК 811.58; 81(091); 81'374

Филологические науки

Статья посвящена анализу содержания двух разделов древнекитайского словаря «Эръя» (III в. до н.э.), содержащих ботаническую лексику, – «Объяснение трав» и «Объяснение деревьев». Дается перевод фрагментов текста указанных глав; рассмотрены категории растений, представленные в словаре. Показано, обозначения каких реалий растительного мира фиксирует словарь (названия разновидностей и сортов, плодов и частей растений, форм растительности, смежные понятия). Некоторое внимание уделено также наивным ботаническим представлениям древних китайцев, отраженным в словаре.

Ключевые слова и фразы: древнекитайский словарь «Эръя»; ботаническая лексика; «Объяснение трав»; «Объяснение деревьев»; наивная классификация растений.

Гурьян Наталья Викторовна, к. филол. н.

Школа педагогики Дальневосточного федерального университета
guryan-natalia@yandex.ru

**О СОДЕРЖАНИИ РАЗДЕЛОВ С БОТАНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ
ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ «ЭРЬЯ»[©]**

*Работа выполнена при поддержке гранта Школы педагогики ДВФУ, конкурс 2014 г.
(тема проекта: «Древнекитайский словарь “Эръя”: анализ разделов с ботанической лексикой»).*

Древнекитайский словарь «Эръя» (爾雅) («Приближение к правильному [языку]») считается одним из интереснейших и сложнейших для анализа лексикографических памятников, научная ценность которого

состоит в том, что он содержит сведения не только лингвистического, но и энциклопедического характера. Последнее обстоятельство позволяет современному исследователю реконструировать культурные представления древних китайцев об окружающем мире.

В традиционном Китае правительство всегда поддерживало развитие ботаники и геоботаники, заботясь о правильном использовании полезных растений и земли. Изучалась естественная среда произрастания растений, и уже в IV в. до н.э. проводились исследования почвы. В Китае имеется обширная литература по ботанике, много энциклопедий и словарей, содержащих ботаническую терминологию [1, с. 388]. К числу наиболее ранних памятников такого рода относится и объект нашего исследования – словарь-тезаурус «Эрья», составленный в III-II вв. до н.э.

Слова, номинирующие реалии растительного мира, собраны в двух из девятнадцати разделах «Эрья» – № 13 (釋草) «Объяснение трав» и № 14 (釋木) «Объяснение деревьев», при этом раздел, посвященный травам, по объему примерно вдвое больше раздела о деревьях.

Исследованиями фитонимической лексики подмечено, что, по сравнению с травами, названия деревьев немногочисленны и не столь разнообразны. Разнообразие же мира трав в десятки раз превышает мир деревьев, что объясняют их более широким использованием. «Сколько способов применения, столько и потенциальных названий» [3]. С другой стороны, в литературе отмечается, что в каждой локальной флоре различается порядка 600 видов растений. При этом способность различать виды не обязательно стоит в связи с необходимостью употреблять их в пищу или иным образом. Полевые исследования этнологов показывают, что народные классификации растений всегда избыточны и не могут быть объяснены исключительно утилитарными соображениями. Основная единица народных классификаций – элементарный таксон – лишь условно может быть назван видом. И с точки зрения современной биологии, многие «виды» народной классификации будут родами, семействами или еще более крупными группировками. Основным же критерием при выделении «вида» в «народной таксономии» всегда выступают приметные особенности строения и образа жизни, и, реже, «генеалогия» (порождение подобных подобными) [4, с. 8-12].

Общее количество растений, упомянутых в «Эрья», составляет около 300 «видов» [8, с. 108]. При этом надо иметь в виду, что, в отличие, например, от знаменитого «Шовэня» (нач. II в.), «Эрья» – это не полный словарь. Главным предметом описания в нем изначально была лексика редкая, устаревшая и диалектная, поэтому в его словнике не зафиксированы названия некоторых самых обычных и распространенных растений, но при этом встречаются редкие и сейчас уже неизвестные.

Глава «Объяснение трав» (釋草)

По некоторым данным, указанная глава содержит порядка 440 слов, номинирующих следующие категории травянистых растений [15, с. 8-15]:

- 1) зерновые и бобовые культуры – 29 наименований;
- 2) овощные культуры, а также съедобные грибы – 102 наименования;
- 3) плодовые культуры: съедобные плоды и орехи травянистых растений – 6 наименований;
- 4) лекарственные растения – 148 наименований;
- 5) травы, обладающие красящими свойствами (травы-красители) – 17 наименований;
- 6) травянистые растения специального назначения – сюда включены те, что не относятся к вышеуказанным категориям и при этом играют существенную роль в жизни человека – 74 наименования;
- 7) травянистые растения, назначение которых неясно в настоящее время (а также те, которые трудно идентифицировать) – 64 наименования.

Как видим, к наиболее объемным категориям относятся лекарственные растения – 148, овощные культуры (включая грибы) – 102 и растения специального назначения – 74.

Несколько иную классификацию предлагает Линь Ханьшэн [14, с. 32-33]: 1) (蔬菜) овощи; 2) (艸) травы; 3) (五穀) зерновые; 4) (瓜果) тыквы и фрукты; 5) (藻類) водоросли; 6) (菌類) грибы; 7) (竹類) бамбуковые; 8) специальные наименования цветов трав и цветов деревьев.

Обобщая приведенные перечни, все идентифицированные растения из раздела «Объяснение трав» можно свести к трем большим группам, исходя из их назначения в жизни и хозяйстве человека: 1) растения, употребляемые в пищу; 2) лекарственные растения; 3) технические культуры.

При вербальном кодировании обозначение в виде отдельных лексических единиц получает то, что играет важную роль в жизни человека (нации) и является ценностным для него [5]. Наиболее разработанная терминология в данном разделе «Эрья» обнаруживается при описании таких традиционно популярных и уважаемых в Китае растений, как бамбук и лотос, имеющих там давнюю историю выращивания:

13.157 筍 數節 桃枝 四寸有節 籬 堅中。簡·策中·仲·無筍·筍·箭筍·篠·箭·。/ Ман – бамбук с короткими коленами. Таочжи [красный бамбук] – с промежутками между узлами в 4 цуня. У [бамбука] лить твердый внутренний слой (сердцевина). [Бамбук] минь – полый внутри. Чжун [бамбук среднего размера] – образует ряды. Тай – маленькие побеги (ростки) бамбука. Сяо – [это] цзянь [тонкий бамбук].

Примечательно, что из семи дефиниций первые пять сообщают информацию энциклопедического характера о свойствах конкретного сорта бамбука и лишь последние две представляют собой толкования терминов через пояснение и эквивалент.

Что касается лотоса, плоды и коренья которого употреблялись в пищу, а листья, стебли и орешки – в качестве лекарственных средств [16, с. 220], в «Эрья» даны только термины, называющие части этого растения, о свойствах же лотоса словарь не сообщает:

13.093 荷, 芙渠。其莖茄, 其葉蓮, 其本密, 其華菡萏, 其實蓮, 其根藕, 其中的, 的中薏。/ Хэ [лотос] [по-другому называется] фучу. Его стебель [называется] цзя, его листья [называются] ся, его подводная часть стебля [называется] ми, его цветы [называются] ханьдань, его плоды [называются] лян, его корень [называется] оу, его семена [называются] ди, орешки [называются] и.

Следует отметить, что, судя по комментариям, не все дефиниции совпадают с примерами реального употребления слов в литературных памятниках. Так, лексема *ся* (蓮) в значении *листья лотоса* в древней литературе не встречается. Возможно, что этой части толкования (其葉蓮 – его листья [называются] ся), вообще, не было в первоначальном тексте «Эрья». Сюй Чаохуа высказывает предположение о диалектном происхождении *ся*, которое было добавлено в глоссу более поздними редакторами словаря уже в качестве общепонятного термина со значением *листья лотоса*. Похожая ситуация и с лексемой *цзя* (茄): «Древнее звучание двух слов (荷 – хэ и 茄 – цзя) было близко, в архаическом древнекитайском языке *цзя*, вероятно, было диалектным вариантом *хэ*. Редакторы словаря для придания системности объяснили *цзя* как специальный термин для стеблей лотоса» [10, с. 262].

Не всегда однозначное соответствие дефиниций «Эрья» реальному употреблению слов, зафиксированному в литературных памятниках, наводит на мысль о том, что составители словаря ставили перед собой и специальные задачи, связанные с систематизацией лексики. Как пишет известный российский синолог А. М. Карапетьянц, для древнекитайской филологической традиции было «характерно требование соблюдения в первую очередь взаимной однозначности соотношения имени и сущности, а также полноты структурности и непротиворечивости имен» [2, с. 677].

Кроме наименований разновидностей и сортов, в разделе «Объяснение трав» толкуются слова, обозначающие части растений (цветок, корень), а также общий термин «травы / травы»:

13.026 卉, 草。/ Хуэй [означает] цао [травы].

13.197 莠、茭、菱, 根。/ Юнь, сяо, гай [все имеют значение] гэнь [корень].

В финальных глоссах раздела помещены синонимы со значением «цветок; цветы». При этом сначала лексема *хуа* (華) толкуется через *фу* (萼), затем оба синонима – и *хуа* (華), и *фу* (萼) – через третий синоним *жун* (榮) (данный прием в китайской традиционной филологии получил название «постепенно подводящее толкование»):

13.199 華, 萼也。華、萼, 榮也。/ Хуа – [означает] фу [цветок]. Хуа, фу [оба означают] жун [цветок]. Согласно Го Пу, слово *фу* (萼) имело хождение в области к востоку от реки Янцзы (совр. провинция Цзянсу) [13, с. 450]. Сюй Чаохуа отмечает знак 萼 как разнопись 華 [10, с. 277].

В идущей следом глоссе уточняется, что словом *хуа* (華) называют цветы деревьев, а словом *жун* (榮) – цветы трав. Кроме того, даются наименования «цветок с завязью» и «цветок, лишенный завязи (и не дающий плоды) / пустоцвет»:

13.200 木謂之華, 草謂之榮。不榮而實者 (знак 不 здесь считается ошибочно попавшим в текст [Ibidem, p. 278]), 謂之秀。榮而不實者, 謂之莢。/ [Цветы] деревьев называют хуа, [цветы] трав называют жун. Цветет с появлением завязи – называют сю, цветет без завязи – называют ин.

Глава «Объяснение деревьев» (釋木)

Современный китайский исследователь Линь Ханьшэн называет следующие категории древесных растений, наблюдаемых в разделе «Объяснение деревьев» [14, с. 33]:

- 1) 喬木類 – высокие деревья;
- 2) 垂條類 – деревья со свисающими ветвями (плакучие);
- 3) 蓂木類 – деревья с бугорчатыми плодами;
- 4) 核仁類 – косточковые деревья;
- 5) 灌木類 – кустарники;
- 6) 寓木類 – растения-паразиты.

Основная часть глосс посвящена толкованию названий деревьев и кустарников, среди которых главным образом представлены те породы, которые либо служили источником пищи, либо использовались в качестве строительного материала или поделочного материала для изготовления различных предметов (оружия, утвари, инструментов и пр.). Сам «Эрья» таких пояснений не дает, их можно почерпнуть в комментариях к словарю, написанных в последующие эпохи. Самым ранним из сохранившихся и одним из наиболее компетентных считается комментарий IV в., принадлежащий ученому-энциклопедисту Го Пу (276–324) [13]. Наряду с ним ценность представляют также более поздние комментарии: сунского филолога Син Бина (932–1010 гг.) [Ibidem], цинских филологов Хао Исина (1755–1833 гг.) [9] и Шао Цзиньхана (1743–1796 гг.) [12]. Глоссы обеих рассматриваемых глав «Эрья» весьма кратки и ограничиваются по большей части только толкованием терминов, как правило, через эквивалент либо краткое описание. К примеру:

14.001 樛, 山樛。/ Тао [также называется] шаньцзя [букв. горный цзя; катальпа].

14.002 栲, 山樛。/ Као [также называется] шаньчу [букв. горный чу; айлант высочайший].

Помимо этого, словарь фиксирует наименования плодов некоторых деревьев, разъясняются такие лексемы, как «сухостой», «валежник», «заросли» и некоторые другие смежные понятия, в частности:

14.004 髡, 樛。/ Кунь [подстригать деревья, обрезать ветви; обрезанные деревья] [по-другому называется] кунь/хунь.

14.039 寓木 宛童 / Юймү [досл. живущий на дереве, растение-паразит] по-другому называют ваньтун [название кустарника-паразита].

14.040 無姑 其實夷 / Узу [разновидность вяза]: его плоды называют и.

14.041 櫟 其實棗 / Ли [дуб]: его плоды [называют] цю [желудь].

14.058 癩木, 苻婁. / Хуэйму [больное дерево (с наростом, без ветвей)] [по-другому называется] фулоу.

14.059 蕢, 藹. / Фэнь [плоды на дереве в изобилии] [называют] ай.

14.061 桑辨有甚樞. / Шелковица, [у которой] одна половина [дерева] с туловыми ягодами, [другая – без ягод], называется чжи.

14.071 木自弊, 神. 立死, 榴. 弊者, 翳. / Дерево, [которое] само засохло, [называется] шэнь. Сухостой (стоящее засохшее дерево) [называется] цзы. Би [означает] и [гибель дерева; валежник]. Иероглиф (翳) прикрывать, заслонять здесь записан вместо омофона (殞) погибать [11, с. 340].

В целой серии глосс дается описание внешнего облика деревьев:

14.072 木相磨, 榭. 楛. 榘. 榘. 榘. 榘. / [Когда] ветви деревьев трутся друг о друга [от ветра] – [называют это] и. Цо [по-другому называется] цюэ [грубая, с множеством трещин кора деревьев]. Шао [по-другому называется] шаочжо [заостренная верхушка крона; длинная верхушка дерева без боковых ветвей].

14.074 句如羽, 喬. / 下句曰杻. 上句曰喬. 如木楸曰喬. 如竹箭曰苞. 如松柏曰茂. 如槐曰茂. / [Дерево, ветви которого] изогнуты подобно перьям, [называется] цяо. [Дерево, у которого] ветви изогнуты книзу, называют цю. [Дерево, у которого] ветви загнуты вверх, называют цяо. [Дерево, у которого ветви] похожи на цю [катальпа, Chinese catalpa], называют цяо. [Дерево, у которого ветви] похожи на бамбук, называют бао [густой, обильный, пышный]. [Дерево, у которого ветви] похожи на сосну или кипарис, называют мао [пышный, густой]. [Дерево, у которого ветви] похожи на софору, называют мао [пышный, густой].

Такое пристальное внимание к особо заметным особенностям облика деревьев может указывать, например, на их специальную функцию в ландшафте в качестве ориентиров маршрутов [7, р. 78].

В тексте главы «Объяснение деревьев» находим глоссу, в которой дана классификация деревьев по категориям (醜) чоу, каждая из категорий представлена парой деревьев:

14.077 槐、棘醜, 喬; 桑、柳醜, 條; 椒、檉醜, 棗; 桃、李, 醜核. / Такие [деревья], как софора и жужуб (унаби), высокие/высокоствольные (? и с ветвями, поднимающимися вверх); такие, как шелковица и ива, ветвистые (плакучие); [у] таких деревьев, как перечное и кизил, плоды бугорчатые (колючие); [у] таких деревьев, как персик и слива, плоды с косточкой.

Судя по приведенным толкованиям, среди деревьев выделяются высокие (наподобие софоры и жужуба), с ветвистой кроной (деревья похожие на шелковицу и иву), а также с бугорчатыми (наподобие плодов кизила и перечного дерева) и косточковыми плодами (наподобие персика и сливы).

В одной из последних глосс данного раздела «Эрья» указываются глаголы, называющие различные действия с плодами:

14.078 瓜曰華之, 桃曰膽之, 棗李曰寔之, 榘梨曰鑽之. / [О] тыквенных говорят хуа чжи [разламывать (разделять) их пополам]; [о] персиках говорят дань чжи [чистить их]; [о] финиках и сливах говорят ди чжи [очищать их от плодоножки]; [о] боярышнике и груше говорят цзуань чжи [удалять в них сердцевину]. По версии Ху Цигуана и Фан Хуаньхуа, под цзуань здесь подразумевается «проверять наличие ходов вредителей» [11, с. 343].

Завершают главу толкования, в которых дифференцируются понятия «дерево с мелкими ветвями, направленными вверх», «дерево без ветвей» и «кустарник»:

14.079 小枝上繚為喬. 無枝為檉. 木族生為藿. / [Когда] маленькие/тонкие ветви направлены/поднимаются вверх и обвивают дерево, называется [такое дерево] цяо. [Дерево] без ветвей называется си. [Когда] деревья густо растут, называется [это] гуань [заросли, чаща].

В представлении носителей китайского языка цяому «высокое дерево» – это древесное растение высотой от 6 метров с явно выраженным одним стволом, при этом ствол и крона хорошо различимы; гуаньму «кустарник» – низкорослое (ниже 6 метров) и густорастущее древесное растение (без явно выраженного одного ствола). В современном китайском языке сохраняется противопоставление лексем 喬木 цяому «1) высокое дерево, 2) бот. дерево; древовидный» и (灌木) гуаньму «кустарник, куст».

В «Эрья» гуаньму встречается дважды в тексте главы «Объяснение деревьев», где толкуется первый раз через цунму (叢木) «заросли, чаща» (№ 14.057 灌木 叢木. / Гуаньму – это цунму [заросли, чаща]), а второй раз – через 木族生 «деревья кучно растут» (№ 14.079). Последняя глосса по языку описания явно отличается от основного текста, поэтому, вполне возможно, является более поздней вставкой.

Обращает на себя внимание и неоднократный повтор в тексте иероглифа (喬) цяо (основное значение *высокий (о деревьях)*), который встречается в пяти дефинициях. Трижды в № 14.074, где ему приписаны значения: 1) дерево, ветви которого изогнуты подобно перьям (句如羽, 喬); 2) дерево у которого ветви загнуты вверх (上句曰喬); 3) дерево с ветвями, похожими на катальпу (如木楸曰喬). М. Карр справедливо допускает, что в данном случае словарь фиксирует разные значения этого иероглифа, почерпнутые составителями из разных источников и сведенные здесь воедино [6, р. 401]. Два из этих значений еще раз встречаются ниже по тексту: в № 14.077 упоминаются «высокие деревья, подобные софоре и жужубу» (槐、棘醜, 喬), а в № 14.079 – «дерево, обвитое мелкими ветвями, поднимающимися вверх» (小枝上繚為喬).

Самая объемная группа терминов в главе «Объяснение деревьев» имеет отношение к разновидностям китайского финика (жужуба), которых здесь насчитывается 11:

14.046 棗: 壺棗, 邊棗, 櫟, 白棗, 槭, 酸棗, 楊徹, 齊棗, 遵, 羊棗, 洗, 大棗, 煮, 填棗, 躡世, 苦棗, 皙, 無實棗, 還味, 棗 / Среди цзао [фиников] есть хуцзао [плод финика по форме похож на тыкву горлянку – сверху маленький, расширяющийся книзу], есть бяньяоцзао [плод финика толстый с концов, тонкий в середине]. Цзи – это байцзао [белый китайский финик]. Эр – это суаньцзао [букв. кислый финик]. Янчэ – это ццзао [букв. циский финик]. Цзунь (ин) – это янцзао [отличный/превосходный финик]. Сянь – это крупный финик. Чжу [букв. вареный] – это чжэньцзао [букв. придавленный/прессованный финик]. Цзюэсе – это горький финик. Си – неплодоносящий финик. Сюаньвэй [безвкусный финик] – это жэньцзао.

Обратимся к комментариям. В отличие от сортов, приобретающих после созревания красный цвет, плоды финика *цзи* имели белую окраску. Что касается *чжу* (*чжэньцзао*), согласно Хао Исину, плоды сначала варили, а затем из них отжимали масло. Сорт *цзунь* определяется как *янцзао*. Хао Исин поясняет: «плоды янцзао круглые и мелкие, хороши на вкус, поэтому называются *ян*; *ян* [означает] хороший (прекрасный, превосходный)» [9]. По поводу сорта *сянь* Го Пу отметил, что он происходит из уезда Иши (猗氏县) (совр. уезд Линьши в провинции Шаньси), а плоды его размером с куриное яйцо [13, с. 474].

Как видно, при различении сортов (разновидностей) финика учитывались такие основные признаки, как цвет и форма плодов, их вкус и размеры, место произрастания, плодородность.

Итак, рубрикация древнекитайского тезауруса «Эрья» свидетельствует о разделении его составителями всех растений на травы и деревья (деление, свойственное многим культурным традициям). В рассмотренных разделах словаря зафиксированы такие реалии растительного мира, как названия разновидностей и сортов, т.е. собственно ботанические термины, названия плодов и частей растений, некоторые общие термины (*хуэй* – трава / травы) и смежные понятия (валежник, засохшее дерево, большое дерево и др.). В глоссах «Эрья» толкуются названия растений, которые, с точки зрения современной систематики, могут быть как родовыми, так и видовыми наименованиями. Однако зачастую это – ботанические разновидности или сорта, что очевидно в случае с одиннадцатью названиями китайского финика (жужуба).

Список литературы

1. Еремеев В. Е. Биология: ботаника // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5-ти т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2009. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М. Л. Титаренко и др. С. 388-394.
2. Карапетьянц А. М. Знак, текст и звучащее слово в древнем Китае // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5-ти т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2008. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. С. 672-684.
3. Квашнина В. В. Особенности народной номинации трав и деревьев [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/15_DNI_2008/Philologia/32863.doc.htm (дата обращения: 29.10.2014).
4. Куприянов А. В. Предыстория биологической систематики: «народная таксономия» и развитие представлений о методе в естественной истории конца XVI – начала XVIII в. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2005. 60 с.
5. Михайлова О. А. Мой мир – мой дом. Система специализированных актантов в «Словаре русских говоров Среднего Урала» [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.uirf.ru/bitstream/10995/23771/1/iurg-2001-20-33.pdf> (дата обращения: 26.06.2012).
6. Carr M. E. A Linguistic Study of the Flora and Fauna Sections of the *Erh-Ya*: Ph. D. Dissertation. University of Arizona, 1979. XIV+600 p.
7. Métaillé G. Some Reflections on the History of Botanical Knowledge in China // *Circumscribere*. 2007. Vol. 3. P. 66-84.
8. 陳家瑞. 對我國古代植物分類學及其思想的探討 // 植物分類學報. 1978年. 第16卷第3期. 第101-112頁. (Чэнь Цзяжуй. Изучение взглядов на классификацию растений в древнем Китае // Научный журнал по таксономии растений. 1978. Т. 16. № 3. С. 101-112)
9. 爾雅郭註義疏 / (清) 郝懿行撰 [Электронный ресурс] («Эрья» с комментариями Го Пу и построчными комментариями / сост. цинский Хао Исин). URL: http://ctext.org/library.pl?if=gb&file=15874&by_node=37567&page=2&repar=gb (дата обращения: 02.04.2014)
10. 爾雅今註/徐朝華註. 天津: 南開大學出版社, 1989. 352頁. («Эрья» с современными комментариями / ком. Сюй Чаохуа. Тяньцзинь: Изд-во Нанькайского ун-та, 1998. 352 с.)
11. 爾雅譯註 / 胡奇光, 方環海撰. 上海: 上海古籍出版社, 2004. 462頁. («Эрья» с переводом (на современный китайский язык) и комментариями / сост. Ху Цигуан, Фан Хуаньхай. Шанхай: Шанхайское изд-во древних книг, 2004. 462 с.)
12. 爾雅正義 / (清) 邵晉涵撰 [Электронный ресурс] (Правильный смысл «Эрья» / сост. цинский Шао Цзиньхань). URL: http://ctext.org/library.pl?if=gb&res=1753&by_node=37567&repar=gb (дата обращения: 27.03.2014)
13. 爾雅註疏 / (晉) 郭璞註; (宋) 邢昺疏; 王世偉整理. 上海: 上海古籍出版社, 2010. 644頁. («Эрья» с комментариями и пояснениями / ком. циньского Го Пу; поясн. сунского Син Бина; ред. Ван Шивэй. Шанхай: Шанхайское изд-во древних книг, 2010. 644 с.)
14. 林寒生. 《爾雅新探》. 南昌: 百花洲文藝出版社, 2006. 386頁. (Линь Ханьшэн. Эрья: новые разыскания. Наньчан: литературное издательство Байхуачжоу, 2006. 386 с.)
15. 孟迎俊. 《爾雅·釋草》名物詞研究. 碩士學位論文: 廣西師範大學, 2010. 73頁. (Мэн Инцзюнь. Изучение терминов из раздела «Объяснение трав» словаря «Эрья»: магистерская диссертация. Гуансийский педагогический университет, 2010. 73 с.)
16. 徐莉莉, 詹鄭鑫. 爾雅: 文詞的淵海. 上海: 上海古籍出版社, 2008. 268頁. (Сюй Лили, Чжань Иньсинь. Эрья: глубокое море слов. Шанхай: Шанхайское изд-во древних книг. 286 с.)

ON THE CONTENT OF THE CHAPTERS WITH BOTANICAL VOCABULARY OF THE ANCIENT CHINESE DICTIONARY «ERYA»

Gur'yan Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Philology
School of Education of the Far Eastern Federal University
guryan-natalia@yandex.ru

The article is devoted to analyzing the content of the two chapters of the ancient Chinese dictionary –Erya” (III century B.C.) containing botanical vocabulary – “Explanation of herbs” and “Explanation of trees”. The author presents the translation of the fragments of the mentioned chapters; analyzes the categories of plants represented in the dictionary. The paper identifies what realia of the flora are registered in the dictionary (nominations of the varieties and species, fruits and parts of the plants, forms of vegetation, related concepts). The researcher also focuses on the naïve botanical conceptions of the ancient Chinese represented in the dictionary.

Key words and phrases: ancient Chinese dictionary –Erya”; botanical vocabulary; “Explanation of herbs”; “Explanation of trees”; naïve classification of plants.

УДК 8; 81'373.47

Филологические науки

Статья посвящена особенностям использования компьютерных программ, позволяющих собирать для дальнейшего анализа статистику употребления языковых единиц в диахроническом аспекте. Материалом исследования послужили фразеологические единицы книжного стиля из двуязычных словарей. Были изучены программы Google Ngram Viewer, поисковой механизм русского национального корпуса языка и британский национальный корпус. В ходе исследования выявлены недостатки современных статистических программ.

Ключевые слова и фразы: фразеология; корпус; статистика; трансформации; книжный стиль.

Гурьянов Игорь Олегович

Казанский (Приволжский) федеральный университет
igor.goor@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КНИЖНОГО СТИЛЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ[©]

Вопрос применения математических и статистических методов исследования в лингвистике является давним вопросом на стыке наук. На возможность использования математических методов при исследовании языковых особенностей указывал И. А. Бодуэн де Куртенэ. Несмотря на это, только в начале XX века с появлением структурной лингвистики ученые начали экспериментировать с применением математических методов для анализа языковых процессов. В. А. Звегинцев выделяет следующих ученых – математиков В. Я. Буныковского, А. А. Маркова. Языковые элементы рассматривались ими как подходящий иллюстративный материал для построения количественных методов или для статистических теорем. Ученые совершенно не задавались вопросом, представляют ли интерес результаты такого исследования для лингвистов [2, с. 115].

Современные компьютерные технологии дают большой простор для проведения различных исследований. Большие вычислительные мощности позволяют обрабатывать большие массивы данных. Нами была поставлена задача оценить возможность применения данных статистических методов для поиска трансформаций фразеологических единиц. В качестве материала исследования использовались фразеологические единицы книжного стиля, отобранные из двуязычных словарей. В ходе исследования были использованы следующие ресурсы: «Google Ngram viewer» [8], «Ruscorpora» – корпус русского языка [5], «BNC» – британский национальный корпус [7].

Применение методов количественной лингвистики во фразеологии является сложной задачей. Это объясняется тем, что основной предмет изучения – фразеологическая единица – обладает следующими характеристиками: воспроизводимость, устойчивость, сверхсловность (раздельнооформленность), принадлежность к номинативному инвентарю языка.

Современные российские и зарубежные ученые рассматривают использование фразеологических единиц в контексте. Обзор литературы по данному вопросу показал, что большинство ученых выделяют два вида употребления фразеологизмов: узуальный (словарная форма единицы) и окказиональный (трансформация единицы на одном из языковых уровней). Ученые не определили свое отношение к окказиональному способу употребления фразеологизмов: «С одной стороны, подобные преобразования рассматриваются как отклонения от нормы и, следовательно, подвергаются открытой критике. С другой стороны, контекстуальное обыгрывание фразеологических единиц приветствуется как неисчерпаемый источник творческой фантазии носителей языка» [1, с. 4].